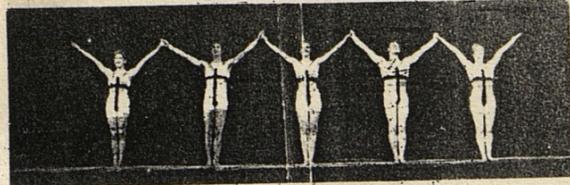

О магическом кристалле Мозеса Пендлтона

Спектаклем "Страсть" на сцене театра "Московская опера" начались гастроли американской труппы "Момикс", возглавляемой Мозесом Пендлтоном.

Хореограф дает пантеистическую и мистическую концепцию восприятия жизни, когда человек сливается со всем сущим, чувствуя себя и цветком, и животным. Его модель Вселенной ассоциируется с подсолнухом — в каждой клетке

его сердцевины зреют зерна будущего. Сквозь призму такой не очень привычной для нас философии показан удивительный спектакль "Момикс". Если когда-то основанная Пендлтоном труппа "Пилоболус" демонстрировала физическое совершенство человеческого тела, то его дочерняя труппа "Момикс" в спектакле "Страсть" сплавляет физическое и духовное в единое целое. Эта 75-минутная медита-

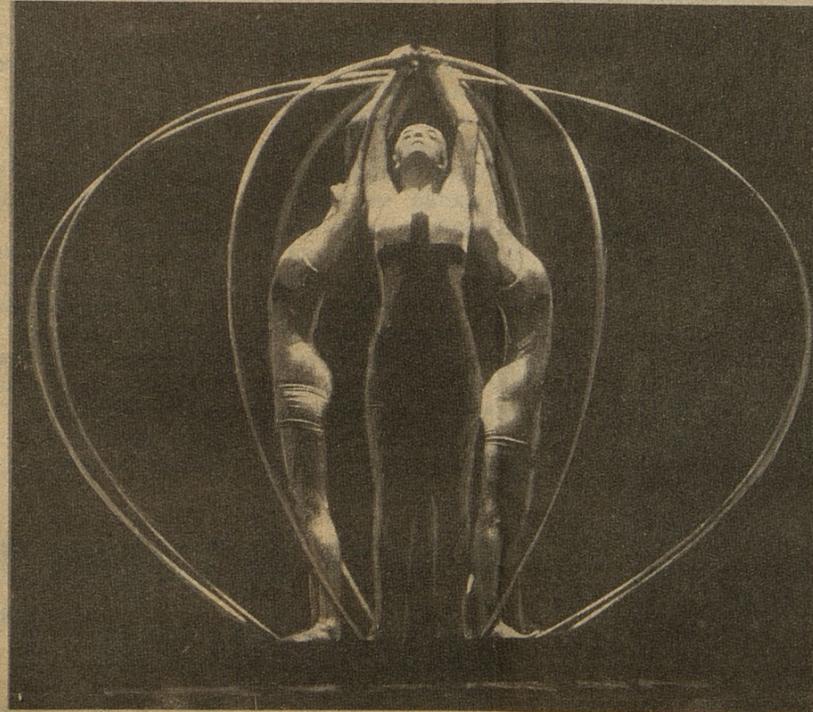
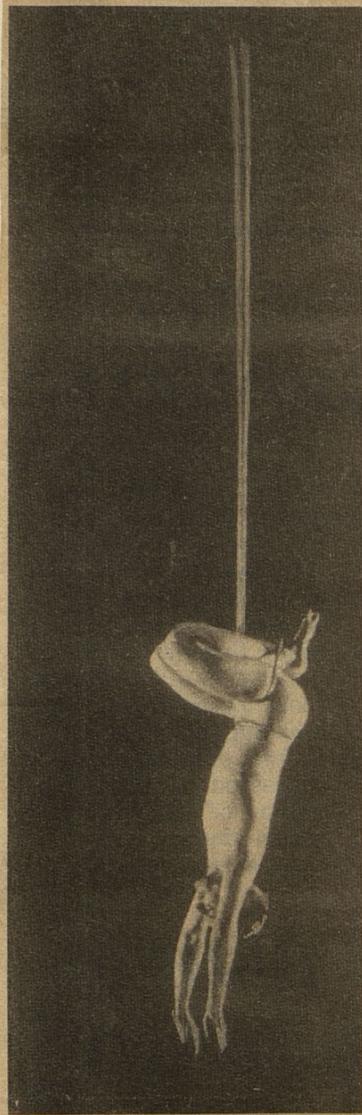
ция смотрится на одном дыхании. В спектакле заняты пять танцовщиков. Называйте их акробатами, гимнастами, иллюзионистами... Изумительная, профессиональная труппа. Вслед за американским хореографом Алвином Николайсом Пендлтон использует освещение, костюмы, электронную музыку, слайды, проецируемые на экран, придавая им такое же значение, как и танцовщикам. Исполнители — то в костюмах, то обнаженные — выступают за большим полотном-экраном, установленным на авансцене. На нем мы видим сначала гигантское дерево жизни, которое как бы задает

координаты Вселенной.

Пендлтон
Мозес
1.06.95

О магическом кристалле Мозеса Пендлтона

Фоторепортаж Александра АБАЗЫ
и Александра ФИРЕРА.

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Затем появляются заледенелая река и древний храм. Старая армейская фотография растворяется в изображениях "каменных людей" древней цивилизации майя. Пухлые ножки ребенка, проецируясь на полотно, превращаются в арку, а зерна подсолнуха преобразуются в лица военных. Под экзотический синтез ритмов Ближнего Востока и Северной Африки (музыкальная партитура Питера Габриэля, написанная для фильма "Последнее искушение Христа") за тонким полотном трепещут руки, парят тела, колеблются зонтики, взвивается красным пламенем лента, и танцоры сливаются в фантастически вращающиеся группы или в невероятные фигуры. Несколько тел образуют одно, потом рожают раскачивающуюся пару. Возникающие формы снова растворялись в призрачной дымке. И в то же время перед нами как бы вскрывались пласты истории, полной мифических картин, символов и ассоциаций. Древняя Греция и Иудея, средние века, Возрождение, XIX век. Иног-

да танцоры изображали что-то отдаленное от человеческого. Иногда превращали человеческое в божественную красоту и власть. Рождение человека, воспевание его как меры всех вещей — все это присутствовало. Иногда трудно было определить пол танцующих: их женское и мужское начала как бы соединялись. Не предложил ли нам хореограф мечту об андрогинности?

Сцена с обнаженным мужчиной, висющим на веревке и окруженным повешенными женщинами в ярко-красных плащах с капюшонами, была одной из самых впечатляющих. Человек бился, натягивал веревку, извивался. Что это? Голгофа? пытки инквизиции? Фигура ли с рисунка Леонардо да Винчи?

Пендлтон не навязывает свои интерпретации. Он лишь дает нам возможность проникнуться его видениями, образами. Эта работа Мозеса Пендлтона — одно из самых изобретательных и интереснейших представлений, которое мне довелось когда-либо видеть.